

Телепень С. В.

***VIRI MILITARES* – ФАКТОРЫ КАРЬЕРНОГО РОСТА (К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА)**

*В статье на основе авторитетных исследований рассматривается вопрос о факторах, повлиявших на карьеру римских командиров периода Принципата. Проанализировав существующие точки зрения, автор приходит к заключению о наличии в науке двух основных позиций. Первая из них состоит в отнесении римских военачальников к типу т. н. «любителей», в то время как другая точка зрения, приобретающая в настоящее время все больше сторонников, обнаруживает в среде римских командиров *virī militares*, т.е. профессиональных, по сути, командиров уровня от префекта когорты до легата легиона. Вывод: на современном уровне науки наиболее аргументированной является точка зрения о преобладании в карьере *virī militares* факторов личных командирских способностей и опыта.*

Введение

Основную информацию о карьерном продвижении в административной системе Римской империи содержат эпиграфические источники, повествующие о *cursus honorum* того или иного сенатора, эквита или представителя муниципальной верхушки. К сожалению, «надписи, содержащие рассказ о карьере, сообщают лишь о том, какие посты занимало то или иное лицо, но не показывают того, почему соответствующее назначение было произведено» [1, с. 329]. Соответственно, из надписи как правило весьма сложно вывести мотивы назначения (и продвижения по карьерной лестнице), поскольку такой текст обычно представляет лишь перечень последовательно занимавшихся постов. При этом порядок указываемых рангов и должностей мог строиться как по восходящей, так и нисходящей (т.е. – от низших постов к высшим либо наоборот).

В исторической науке неоднократно делались попытки объяснить те мотивы, которые стояли за назначением на офицерский пост. Две наиболее устоявшиеся в историографии позиции здесь представлены, во-первых, мнением, что ведущим критерием при назначении на должность была протекция (со стороны императора или его доверенных лиц), а во-вторых, точкой зрения, что в расчет брались прежде всего деловые качества потенциального назначенца. Именно эти две трактовки и будут нами разобраны в данной статье, носящей, таким образом, историографический характер.

Основная часть

В своё время выдающийся специалист по истории римской военной организации Эрик Бёрли написал: «Я сделал попытку выяснить принципы, сообразно которым, римская армия периода Принципата была укомплектована офицерами соответствующего ранга, имевшими достаточный опыт» [2, с. 94]. Вопрос о роли патронажа в senatorской и всаднической карьере был тщательно изучен Ричардом Саллером [3, с. 62–63]. По мнению последнего, «протекция была незаменима (в Ранней Римской империи – С.Т.), поскольку не существовало никаких формальных бюрократических механизмов для привлечения императорского внимания к персоне претендента на пост» [4, с. 111]. Высшая административная власть находилась в руках самого императора. Наместники императорских

провинций (а таковые были наиболее значимы, особенно в военном отношении) и командиры легионов назначались в качестве легатов императора. Об этом свидетельствует их титулатура – *legatus Augusti pro praetore provinciae* либо *legatus Augusti legionis*. И таким образом, «все сенаторские магистратуры, назначаемые должности и почести были в распоряжении императора. Мы располагаем примерами протекции как непосредственно со стороны принцепса, так и со стороны его окружения. К сожалению, эти разрозненные примеры не позволяют выяснить, была ли протекция обычным или исключительным фактором при назначении» [4, с. 45]. Тем не менее очень трудно установить (или даже выдвинуть гипотезу), которая позволила бы объяснить, на какой стадии сенаторской карьеры (т.е. *cursus honorum*) император останавливал свой выбор на той или иной фигуре, чтобы затем вручить такому выдвигенцу высшие посты в армии и администрации. Здесь Эрик Бёрли, прежде всего, обратил внимание на такую магистратура, как вигинтивират, трактуемую им в качестве предпосылки дальнейшего карьерного роста молодого представителя сенаторской фамилии [5, с. 231]. Будущие сенаторы (формально в сенат вступали лишь по достижении квестуры) назначались вигинтивирами уже к двадцати годам. Представляется, что место в вигинтивирате было показателем статуса соответствующего лица, поскольку высший вигинтивирский пост (*III viri monetales*) обычно замещался патрициями и/или сыновьями консуляров, а наименее престижный вигинтивират (*III viri capitales*) поручался почти исключительно *homines novi*, т.е. представителям наименее значимых фамилий внутри римского нобилитета. Данная должность была связана с надзором за экзекуциями, казнями и т.д., что для римского общества не могло быть особенно престижным.

Вторая ступень (после вигинтивирата), на которую будущий сенатор мог быть продвинут, была офицерская служба в качестве *tribunus militum legionis laticlavii* выглядит более закономерной. В таком качестве будущий сенатор обычно служил только в одном легионе. Однако, например, будущий император Адриан последовательно состоял в качестве латиклавного трибуна в трех различных легионах. С другой стороны, обычно в данной должности молодые аристократы служили три года [2, с. 95]. Безусловно, как полагает Эрик Бёрли, «если бы *laticlavii* назначался всего на год, это было бы не очень эффективной схемой (командирской подготовки – С.Т.). Срок службы был установлен в два или три года. Возраст, в котором *laticlavii* получал свое назначение, вероятней всего, составлял девятнадцать или двадцать лет» [6, с. 9].

Военные трибуны обычно (или, во всяком случае, очень часто) служили под командой своих близких родственников, которые выполняли обязанности командиров легионов или даже наместников провинций. В последнем случае, если речь шла об императорских провинциях, это могли быть одни и те же лица. Таким образом, по мнению Рональда Сайма, «военный трибуна́т предоставлял шанс получить покровительство со стороны легата самого высокого ранга» [7, с. 564]. С другой стороны, отмечает Бриан Добсон, наместник, назначая своих *tribuni militum laticlavii*, «должен был печься о карьере не только своих сыновей и родственников, но также действовать сообразно рекомендациям насчёт других претендентов» [8, с. 131]. По мнению Артура Бёрли, «для назначения на такие, не слишком высокие посты, как военный трибуна́т, императоры полагались, надо думать, на своих генералов» [6, с. 3].

Многие молодые аристократы, преимущественно происходившие из патрицианских семей, не стремились к военной службе, особенно если речь шла о какой-нибудь дальней провинции, например, Сирии [9, с. 1391]. Как следствие, «некоторые будущие сенаторы, очевидно, не проходили трибунат (военный – С. Т.) – примерно восемь из двадцати каждый год» [6, с. 8]. В результате император был вынужден выдвигать людей из всаднического сословия или даже еще более низких социальных слоев. Эрик Бёрли отмечает, что критерии, по которым он это делал установить очень непросто [5, с. 230].

Возникает вопрос – в ситуации наличия большого количества вакансий, может быть, император назначал на конкурсной основе тех претендентов, которые прошли определенный отбор? По этому поводу Бриан Добсон пишет: «Чтобы получить командиров легионов и наместников приграничных провинций, императорам приходилось уговаривать сыновей сенаторов служить военными трибунами и проводить годы вдаль от дома... Те, кого удавалось уговорить, всегда были в меньшинстве, и их приходилось дополнять офицерами из числа эквитов» [10, с. 99].

Вместе с тем военный опыт, который молодой трибун мог получить, зависел от условий его военной службы. Если он направлялся в легион, стоявший в замиренной и романизированной провинции, например, в Испании, то будущий сенатор, как полагает Добсон, мог и не приобрести никакого боевого опыта: «Дискуссионным остается вопрос о том, насколько командир легиона мог опереться на свой опыт былой трибунской службы... Офицеры таких легионов, как VII Gemina в Испании или VIII Augusta в Аргенторате, выглядели менее компетентными чем те, кто успел принять участие в настоящих войнах» [8, с. 132]. К тому же, полагает Хуберт Девийвер, возраст военного трибуна senatorского ранга (*tribunus militum legionis laticlavii*) обычно был чуть больше двадцати, что резко контрастировало со средним возрастом трибуна всаднического ранга (*tribunus militum legionis angusticlavii*), который был сорок лет [11, с. 204].

Вторично (после завершения своего военного трибуната) представитель senatorского *ordo* мог вернуться к делам военной службы уже в качестве командира легиона (*legatus Augusti legionis*). Обычно это имело место после прохождения претуры, т.е., как установил Девийвер, в возрасте тридцати с небольшим лет [11, с. 204]. Некоторые сенаторы занимали последовательно два легатских поста – между претурой и консулатом, а именно в качестве командира легиона и затем наместника императорской провинции в звании легата пропреторского ранга. По отношению к этим категориям Бриан Кэмпбелл считает уместным римское выражение *virii militares* [12, с. 12]. По его мнению, такие сенаторы были довольно молоды для консулата, но таким путем могли занимать высокое положение, особенно в провинциях. И хотя помимо этих двух легатских постов они могли больше не иметь опыта высшего командования, развивает мысль Артур Бёрли, тем не менее «большинство наместников высшего (т.е. консулярного) ранга в прошлом прошли этап службы в качестве легата легиона» [6, с. 29].

Обычно легат легиона занимал свой пост в течение трёх лет. Как правило, это была другая провинция (или, по крайней мере, другой легион), нежели та, где он ранее служил в качестве *tribunus militum*. Причина заключалась не только в необходимости приобретения бóльшего и максимально разнопланового опыта, но и в том, что «его *dignitas* (репутация – С.Т.) могла пострадать, если бы слишком много центурионов и других нижних чинов запомнили его

молодым офицером, каким он был лет за десять до того» [6, с. 108]. Кроме того, по мнению Артура Бёрли, «политика избегания узкой специализации (командирских кадров – С.Т.) гарантировала, что методы военного руководства и его стандарты будут поддерживаться по всей империи единообразно и при этом на достаточном уровне» [6, с. 34].

Практически невозможно определённо сказать о мотивах, которыми императоры руководствовались в своём назначении командиров легионов. «Нет никаких доказательств того, – пишет Эрик Бёрли, – что наместник провинции имел какое-либо решающее слово при назначении своих командиров легионеров» [2, с. 96]. Такое назначение зависело от воли самого императора. Добсон добавляет: «Очень трудно выяснить те мотивы, которыми обуславливалось назначение конкретного легата легиона... Ещё труднее показать, что такой выбор был прямым результатом командирских способностей, продемонстрированных за десять лет до того» [13, с. 34]. Разумеется, под продемонстрированными за десять лет до назначения легатом легиона способностями здесь подразумевается то, что было связано с опытом военного трибуната. Как следствие, Добсон приходит к мысли: «Подводя итог, можно утверждать, что сенаторская карьера никогда не была приспособлена специально к задаче выявления военных талантов на ранней стадии» [8, с. 133].

Закономерно, что по мнению многих исследователей, римской императорской армией командовали непрофессионалы, впрочем, всегда относившиеся к высшему социальному слою. По этому поводу Кэмпбелл пишет: «Командиры редко были подготовленными в военном ремесле на профессиональном уровне. Многие же сенаторы и всадники вообще не участвовали в военных делах» [14, с. 152]. Тем не менее Артур Бёрли высказывает иное мнение: «Однако известно достаточно случаев, когда сенаторы несли многолетнюю военную службу, корректируя этим наше впечатление» (об их командирском дилетантизме – С. Т.) [6, с. 33]. Кроме того, военный опыт, вероятно, был лишь одним из критериев для занятия должностей в римской императорской армии и администрации. Как писал Рональд Сайм, «хотя большинство консулов имели опыт командования легионами, тем не менее скорее их образование и социальный статус, а не военная подготовка открывали им путь к высоким почестям. При этом опыт консулярного командования войсками редко был непрерывным и продолжительным» [15, с. 31].

Несомненно, более профессиональными и подготовленными (или, скорее, опытными) были центурионы. В связи с этим Девийвер пишет о роли старших центурионов: «*Primus pilus iterum* был технически наиболее квалифицированным офицером; за ним следовали *praefectus castrorum* и *primus pilus bis*. Это трио профессиональных военных составляло противовес малоопытным *legatus legionis*, *tribunus laticlavus* и пяти *tribuni angusticlavii* – теоретикам, интеллектуалам, идеологам *romanitas*. Однако все вместе они составляли штаб римского легиона» [11, с. 204].

Конечно, трудно согласиться с точкой зрения, что легаты легионов, эти командиры сенаторского ранга, были всего лишь любителями, вынужденными в важнейших вопросах командования полагаться на своих младших офицеров, происходивших из эквитов, если вообще не из простолюдинов. Возможно, подобная ситуация существовала во внутренних провинциях империи – в Испании или Галлии, давно и прочно замиренных. Однако на границах ситуациях

была другой. На Рейне, в Сирии и особенно на Дунае (со II в.) положение требовало концентрации командирской власти. Если назначение латиклавым трибуном зависело от покровительства со стороны влиятельного лица, то «для промежуточного уровня – такого, как пост легата, можно предположить развитие какой-то системы, хотя бы и не вполне очевидной. Ведь даже самые деятельные императоры, – настаивает Артур Бёрли, – не могли лично знать все шестьсот членов сената» [6, с. 3].

Возможно, одной из причин стабильности Римской империи в «золотой век Антонинов» (II в.) была налаженная система замещения командных кадров как в администрации, так и в армии. Патрисия Саузерн утверждает, что в период правления Марка Аврелия, которому пришлось вести тяжелые войны, «сформировался командирский корпус, представители которого показали выдающиеся знания и опыт. Их карьера была почти исключительно военной, предполагавшей лишь небольшой административный опыт» [16, с. 19]. Некоторые из них посвящали большую часть своего *cursus honorum* военной деятельности, главным образом в отдаленных провинциях. Артур Бёрли обратил внимание, что будущий император Публий Гельвий Пертинакс провел на командных должностях 21 год, а такие известные военачальники II в., как Секст Юлий Север и Марк Стаций Приск, соответственно, – 21 год и 15 лет [17, с. 111]. Все эти три деятеля занимали более чем один командный пост в войсках, стоявших на особо опасном участке римской границе – на Нижнем Дунае. Пертинакс одно время был легатом легиона *I Adiutricis* (около 171 г.) и затем последовательно был наместником двух провинций – Нижней, затем Верхней Мёзии и потом Дакии (176–179 гг.). Юлий Север был легатом легиона *XIII Geminae* (118–119 гг.), а затем был назначен наместником Верхней Дакии (120–126) и после – Нижней Мёзии (128–130). Он переводился из одного конца империи в другой по мере возникновения там военных угроз. Стаций Приск командовал легионом *XIII Geminae* и затем *XIII Geminae* (около 155 г.), после чего был наместником Дакии (156–158 гг.), а затем – Верхней Мёзии (161 г.), о чем пишет Марек Жиромский [18, с. 105, 110, 116].

Долгая служба на ответственных постах в приграничных провинциях требовала, конечно, многих усилий. Закономерно, что уже император Адриан создал несколько постов в центральной имперской администрации, которые могут рассматриваться как своего рода «оплачиваемый отпуск» для таких *virii militares*, т.е. практически профессиональных командиров. Подобными должностями, по мнению Сайма, били, например, *curator aerarium Saturni* и *curator operum publicorum* [19, с. 265]. Во время своей деятельности в качестве *virii militares* эти командиры получали военные награды – *dona militaria* – не столько за личную храбрость, сколько за успешные действия их легионов. В итоге своей карьеры они занимали высшие административные посты – проконсула Азии или Африки, префекта Рима, получали почётный консулат (*consul iterum*) [20, с. 129].

Существенно, что назначенцы, особенно интенсивно задеиствовавшиеся на военных и административных должностях, лишь в исключительных случаях происходили из старых патрицианских или консульских фамилий. Скорее напротив, замечает Артур Бёрли, «легаты военных провинций чаще всего были из относительно новых семей» [17, с. 117]. Следовательно, настаивает Жиромский, успешная и отмеченная наградами командирская деятельность в важных

приграничных провинциях может считаться фактором социальной мобильности [21, с. 90]. Таковыми являются примеры всех трёх вышеупомянутых *virii militares*. «Статий Приск последовательно занимал должности, включенные в *quartae militiae equestre*, находясь под командованием Гнея Миниция Фаустина. Кроме того, он был награждён за свои победы в Иудейской войне Адриана» [18, с. 62]. Иначе говоря, карьерные успехи в армии были тесно связаны с поддержкой со стороны влиятельных лиц. Артур Бирли составил список «сенаторов, которые имели опыт более чем двух командных постов консульского ранга» – 29 таких *virii militares*. Примечательно, что 20 из них в разное время занимали посты в «высшем командовании» на Нижнем Дунае [17, с. 111–113].

Несомненно, категория командиров, о которой мы говорим, чаще представлена легатами легионов и наместниками провинций. Однако в источниках встречаются и командиры, так сказать, сил особого назначения – *vexillationes*, особенно часто действовавших на наиболее опасных участках римского пограничья, на Нижнем Дунае – чаще всего. Благодаря своим командирским способностям, они были отмечаемы наградами (т.е. *dona militaria*) и заканчивали свой *cursus honorum* на высших административных постах в Риме, хотя в большинстве своём это были *homines novi*. На основании этих обстоятельств Жиромский полагает, что в Римской империи существовала некая форма военной специализации [22, с. 60]. И она, судя по всему, не была связана исключительно с командованием на Нижнем Дунае. Подобное можно увидеть и на примере рейнской границы, Сирии и Британии. При этом повсюду обнаруживается вышеотмеченная особенность военной карьеры: командир легиона никогда не становился легатом там, где ранее был военным трибуном. Роберт Шерк пишет: «Специализация в пределах одной провинции, такая как у Агриколы в Британии, вероятно, была довольно редкой во время Принципата... Обычной практикой была ротация кадров, как в современных армиях, но в более крупных провинциях специализация была возможна» [23, с. 120]. С другой стороны, Шерк, который первым указал на возможную специализацию части римской верхушки на военных делах замечает, что «из-за организационных особенностей системы Принципата было неизбежно, что командиры... и администраторы будут переходить с одной должности на другую» [23, с. 110]. Вопрос о специализации здесь особо остро стоит для II в. с его многочисленными войнами, так как «рост специализации в армии способствовал большему профессионализму», – добавляет Саузерн [16, с. 20]. С другой стороны, некоторые историки скептически относятся к идее подобной специализации, даже если речь идет о представителях всаднического сословия. К таким скептикам относится Кэмпбелл. Он утверждает: «Известные нам карьеры всадников не предполагают общепринятых схем продвижения (по карьерной лестнице – С. Т.) и противоречат идее о наличии специализации» [1, с. 331]. Отметим, что на этом этапе выражение *militiae equestres* ещё не было общепринятым обозначением всаднической офицерской службы [24, с. 20; 25, с. 260].

Несомненно, карьера римских всадников в армии и государственном управлении также была обусловлена покровительством со стороны влиятельного патрона и могла предполагать соответствующую специализацию. На сегодняшний день известно более двух тысяч офицеров всаднического ранга периода принципата [25, с. 262]. «Первое назначение, – заключает Эрик Бёрли, – будь то

префектом когорты или ангустиклавным трибуном, обычно происходили по протекции» [2, с. 105]. По мнению Ричарда Саллера, «предполагалось, что эквитская военная служба представляет собой покровительственный ресурс, который распределяется сначала между ближайшими протеже, а затем – друзьями друзей» [4, с. 132]. Представляется, что протекция и патрон-клиентские связи имели решающее значение лишь в начале эквитской карьеры. После этого офицер из числа эквитов должен был отличиться, чтобы обеспечить себе дальнейшее продвижение по службе. «Если первоначальная рекомендация обеспечила первое назначение, то дальнейшее продвижение по службе в ещё большей степени зависело от конфиденциальных отчётов вышестоящего начальника» [26, с. 14]. Иначе говоря, Эрик Бёрли отверг гипотезу о том, что офицеры из числа всадников были «любителями».

Эквитские военные должности в своей совокупности именовались *militiae* (со времен Адриана – *quartae militiae equestres*). Впрочем, последнее из новшеств имеет едва ли определяющее значение, лишь дополняя иерархию эквитских постов, сложившуюся до Адриана [25, с. 261–262; 27, с. 12, п. 34]. По этому поводу Эрик Бёрли пишет: «Фактически, *militia* – это совокупность служебных рангов, а не индивидуальные назначения, и это объясняет, почему 4 – это наивысшее число, когда-либо указанное, даже несмотря на то, что в некоторых случаях засвидетельствовано до полдюжины последовательных назначений» [26, с. 150]. Стоит отметить, что все четыре офицерских ранга проходили лишь немногие эквиты. По статистике только 3–4 % офицеров всаднического достоинства могли достичь уровня четвёртого ранга (т. е. *militia quarta*). Как установил Девийвер, в середине II в. иерархия офицерских рангов для эквитов выглядела следующим образом (по восходящей): префект когорты (*praefectus cohortis quingenariae* либо *tribunus cohortis voluntariorum*), военный трибун (*tribunus angusticlavii legionis* либо *tribunus cohortis milliariae*), префект кавалерийского отряда – алы (*praefectus alae quingenariae*), префект двойной алы (*praefecti alae milliariae*). Причём количество вакансий на каждом уровне иерархии было соответственно (примерно) – 300, 190, 90, 10 [28, с. 108; 29, с. 183].

Заключение

Таким образом, «офицер-эквит автоматически возвращался к гражданскому статусу, как только его преемник приходил на смену ему» [2, с. 110]. Несомненно, командирские способности и/или опыт офицерской службы обеспечивали лишь часть условий для продвижения по службе в рамках *militiae equestres*. «С точки зрения командующего, – делает вывод Артур Бёрли, – желательные качества офицера-эквита, без сомнения, включали надёжность и ответственность. Однако использование такого ярлыка, как «любитель», представляется модернизаторством. Ведь военных академий не существовало, а офицеры из числа всадников в основном были всего лишь относительно состоятельными землевладельцами... Армейские командиры были в основном образованными людьми. Вдали от Рима они были рады повстречать среди сослуживцев столь же начитанных соратников. Отсюда акцент на культуре в рекомендательных письмах Плиния Младшего и Фронтон» [30, с. 5]. Из замечания А. Бёрли следует ещё один мотив – социально-психологического порядка, который лежал в основе армейского протекционизма. Тем не менее, как мы видим, в науке преобладает точка зрения, согласно которой деловые качества офицера (особенно

что касается эквитов и преимущественно на наиболее ответственных участках) постепенно играли все более важную роль. Именно эти качества, как это утвердилось в историографии, были главным ресурсом карьерного роста такой категории римских командиров, как *viri militares*.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Campbell, J. B.* The Emperor and the Roman Army 31 B.C. – A.D. 235 / *J. B. Campbell.* – Oxford : Oxford University Press, 1984. – 468 p.
2. *Birley, E.* Promotions and transfers in the Roman Army: senatorial and equestrian officers / *E. Birley* // The Roman Army Papers 1929–1985. vol. IV. – Amsterdam : Gieben, 1988. – P. 93–114.
3. *Saller, R. P.* Promotion and Patronage in Equestrian Careers / *R. P. Saller* // JRS. – 1980. – vol. 70 – P. 44–63.
4. *Saller, R. P.* Personal Patronage under the Early Empire / *R. P. Saller.* – Cambridge : Cambridge University Press, 1982. – x, 222 p.
5. *Birley, E.* The Epigraphy of the Roman Army / *E. Birley* // Actes du Deuxieme Congres International d'Epigraphie Grecque et Latin Paris 1952. – Paris : Société d'édition Les Belles Lettres, 1956. – P. 226–238.
6. *Birley, A. R.* Fasti of Roman Britain / *A.R. Birley.* – Oxford : Clarendon Press, 1981. – xii, 476 p.
7. *Syme, R.* Praesens the Friend of Hadrian / *R. Syme* // Roman Papers, vol. V. – Oxford: Clarendon Press, 1988. – P. 563–578.
8. *Dobson, B.* The 'Rangordnung' of the Roman Army / *B. Dobson* // *D.J. Breeze, B. Dobson,* Roman officers and frontiers. Mavors X. Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 1993. – P. 129–142.
9. *Syme, R.* Governors dying in Syria / *R. Syme* // Roman Papers, vol. 3. – Oxford : Clarendon Press 1984. – P.1376–1392.
10. *Dobson, B.* The centurionate and social mobility during the principate / *B. Dobson* // Recherches sur les structures sociales dans l'antiquité classique. – Paris : Éditions du Centre national de la recherche scientifique, 1970. – P. 99–116.
11. *Devijver, H.* Commanders and officers of legio III Scythica / *H. Devijver* // The twin towns of Zeugma on the Euphrates. Rescue works and historical studies. – Portsmouth, 1998 (JRA suppl. series 27). – P. 204–232.
12. *Campbell, B.* Who were the "viri militares" // JRS – 1975. – vol. 65. – P. 11–31.
13. *Dobson, B.* The Roman Army: Wartime or Peacetime Army? / *B. Dobson* // *D. J. Breeze, B. Dobson,* Roman officers and frontiers. Mavors X. Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 1993. – P. 218–241.
14. *Campbell, B.* War and Society in Imperial Rome 31B.C. – A.D. 284 / *B. Campbell.* – London and New York : Routledge, 2002. – xiv, 208 p.
15. *Syme, R.* The career of Arrian / *R. Syme* // Roman Papers. – vol. IV. – Oxford : Clarendon Press 1988. – P.21–49.
16. *Southern, P.* The Roman Empire from Severus to Constantine / *P. Southern.* – London, 2001. – 414 p.
17. *Birley, A.R.* Senators as Generals // Kaiser, Heer und Gesellschaft in der römischen Kaiserzeit. Gedankenschrift für Eric Birley. – Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2000. – P. 97–119.
18. *Żyromski, M.* The question of specialization in the Roman administrative system – the case of Pannonia / *M. Żyromski* // Eos. – 1995. – vol. LXXXIII. – P. 337–353.
19. *Syme, R.* Curtailed Tenures of Consular legates/ *R. Syme* // ZPE. – 1985. – vol. 59. – P. 265–279.
20. *Żyromski, M.* The dona militaria as factor of senatorial career in the Roman Empire during the Principate // Eos. – 1996. – vol. LXXXIV. – P. 115–136.
21. *Żyromski, M.* Some patterns of senatorial vertical social mobility in the Early Roman Empire / *M. Żyromski* // Eos. – 2001. – vol. LXXXVIII. – P. 87–94.
22. *Żyromski, M.* Specialization in the Roman provinces of Moesia / *M. Żyromski* // Athenaeum. – 1991. – vol. 79. – P. 59–102.
23. *Sherk, M.* Specialization in the provinces of Germany / *M. Sherk* // Historia. – 1971. – vol. 20. – P. 110–121.

24. *Saddington, D. B.* An Augustan officer on the Roman army: *militaria* in Velleius Paterculus and some inscriptions / *D. B. Saddington* // Documenting the Roman Army. Essays in Honour of Margaret Roxan. London : Institute of Classical Studies, 2003. – P. 19–29.

25. *Davenport, C.* A History of the Roman Equestrian Order / *C. Davenport*. – Cambridge : Cambridge University Press, 2019. – xxv, 716 p.

26. *Birley, E.* The Equestrian Officers of the Roman Army / *E. Birley* // Roman Britain and the Roman Army. Collected Papers. – Kendal : Titus Wilson and Son, Ltd, 1953. – P. 133–153.

27. *Duncan-Jones, R. P.* Power and Privilege in Roman Society / *R. P. Duncan-Jones*. – Cambridge : Cambridge University Press, 2016. – xii, 229 p.

28. *Devijver, H.* La Prosopographia Militarium Equestrium. Contribution a l'histoire sociale et economique au Principat / *H. Devijver* // Histoire economique de l'Antiquite. – Louvain-la Neuve : Presses Universitaires de Louvain, 1987. – P. 107–122.

29. *Devijver, H.* Les milices equestres et la hierarchie militaire / *H. Devijver* // La hierarchie (Rangordnung) de l'Armee romaine sous le Haut Empire. – Paris : de Boccard, 1995. – P. 175–191.

30. *Birley, A. R.* The commissioning of equestrian officers / *A. R. Birley* // Documenting the Roman Army. Essays in honour of Margaret Roxan. – London : Institute of Classical Studies, 2003. – P. 1–18.

31.

Сокращения

JRS – The Journal of Roman Studies

JRA – Journal of Roman Archeology

ZPE – Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik

Telepen S. V. Viri militares – factors of career growth (to the historiography of the question)

Based on authoritative research, the article examines the factors that influenced the careers of the Roman commanders of the Principate period. After analyzing the existing points of view, the author concludes that there are two main positions in science. The first of them consists in the classification of the Roman military leaders to the type of the so-called. "Amateurs", while another point of view, which is now gaining more and more adherents, finds viri militares among the Roman commanders, that is, professional, in fact, commanders of the level from the prefect of the cohort to the legate of the legion. Conclusion: at the modern level of science, the most reasoned point is the prevalence of factors of personal commanding abilities and experience in the viri militares career.

УДК 94 (476)+26

Ціхаміраў А. У.

ЗНАКАМІТЫЯ ЯЎРЭІ – УРАДЖЭНЦЫ ГОРАДА БАРАНАВІЧЫ

Артыкул прысвечаны біяграфіям выдатных прадстаўнікоў яўрэйскай супольнасці, якія нарадзіліся ў горадзе Баранавічы ў XX ст. Сярод іх былі ваеначальнікі, грамадскія, палітычныя і рэлігійныя дзеячы, літаратары, спевакі і музыкі, якія ўнеслі значны ўклад у развіццё культуры Беларусі і іншых краін.

Уводзіны

Яўрэйская супольнасць Баранавіч з'яўляецца неад'емнай часткай гісторыі і сучаснасці горада. Развіццё чыгуначнага вузла і паступовае фарміраванне мадэрнага паселішча прыцягвала шматлікіх яўрэйскіх купцоў, гандляроў і рамеснікаў з 80-х гадоў XIX ст. У 1897 г. яўрэі складалі амаль палову жыхароў Развадава: 2171 з 4692 з агульнай колькасці жыхароў [1, стб. 275]. Згодна з расійскім заканадаўствам 1882 г. яўрэі не мелі права жыць у мясцовасці пастаянна, бо існавала забарона сяліцца па-за гарадамі. Баранавічы тады фармальна